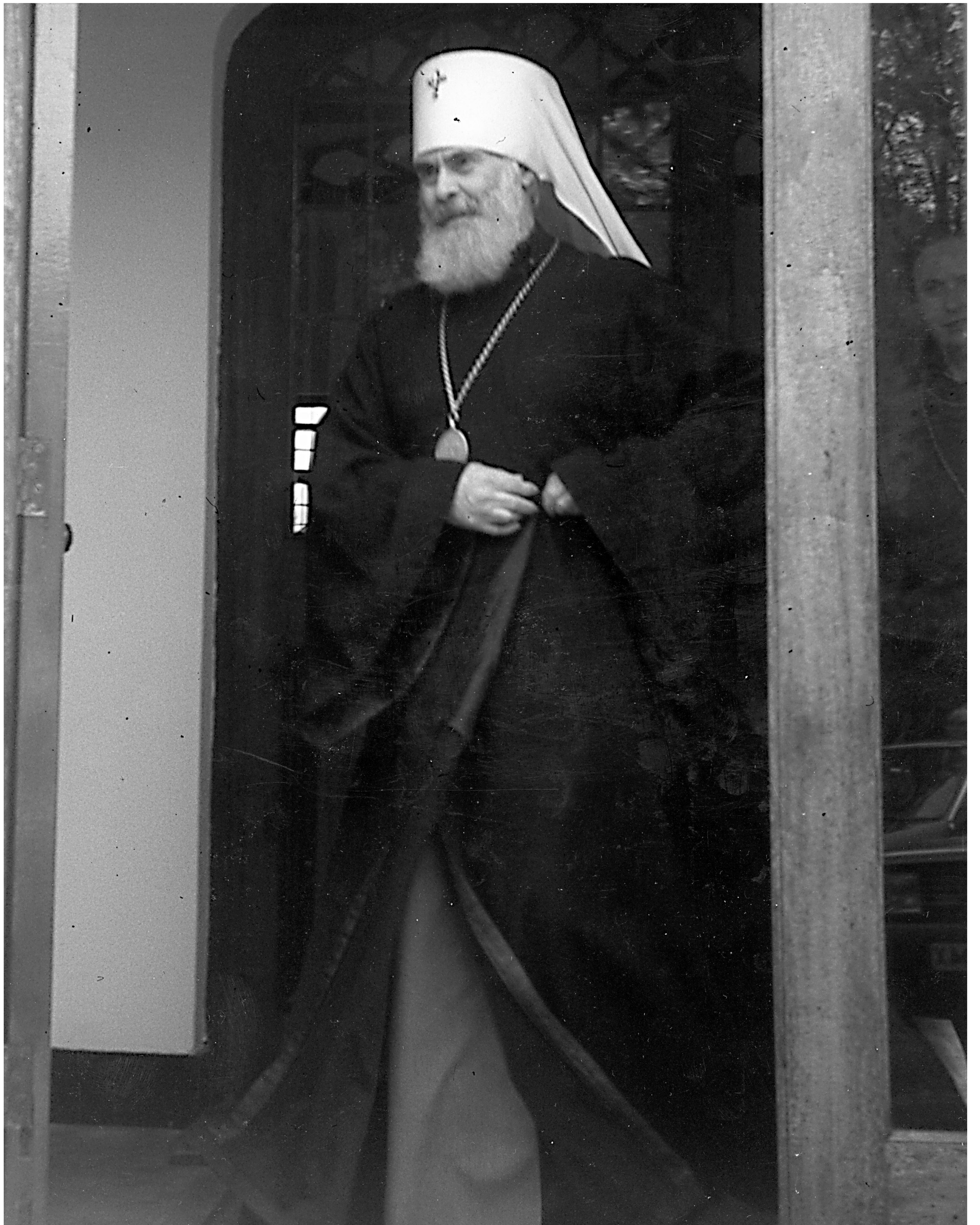

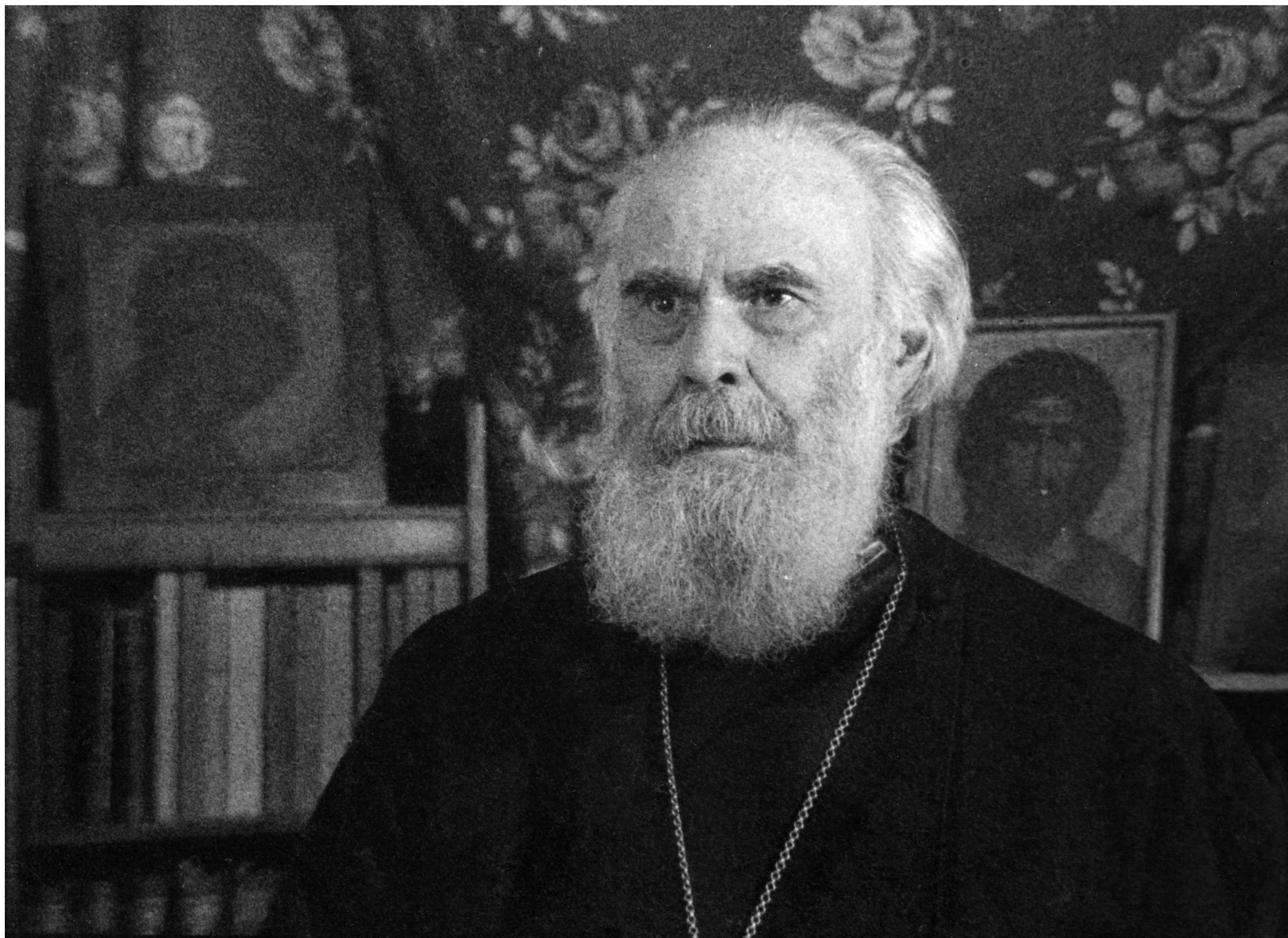

Вы, наверное, замечали, как редко, когда два человека разговаривают, они слушают друг друга. Большею частью, пока один говорит, другой приготавливает ответ, пока один говорит, другой выбирает в том, что слышит, то, на что он может ответить, то, о чем он может сказать: а я лучше знаю, а я вам могу сказать нечто еще более поразительное, — и возражает. Очень редко бывает, что мы слушаем друг друга с таким открытым умом, с таким страстным желанием понять другого, особенно когда то, что он нам говорит, нам чуждо.

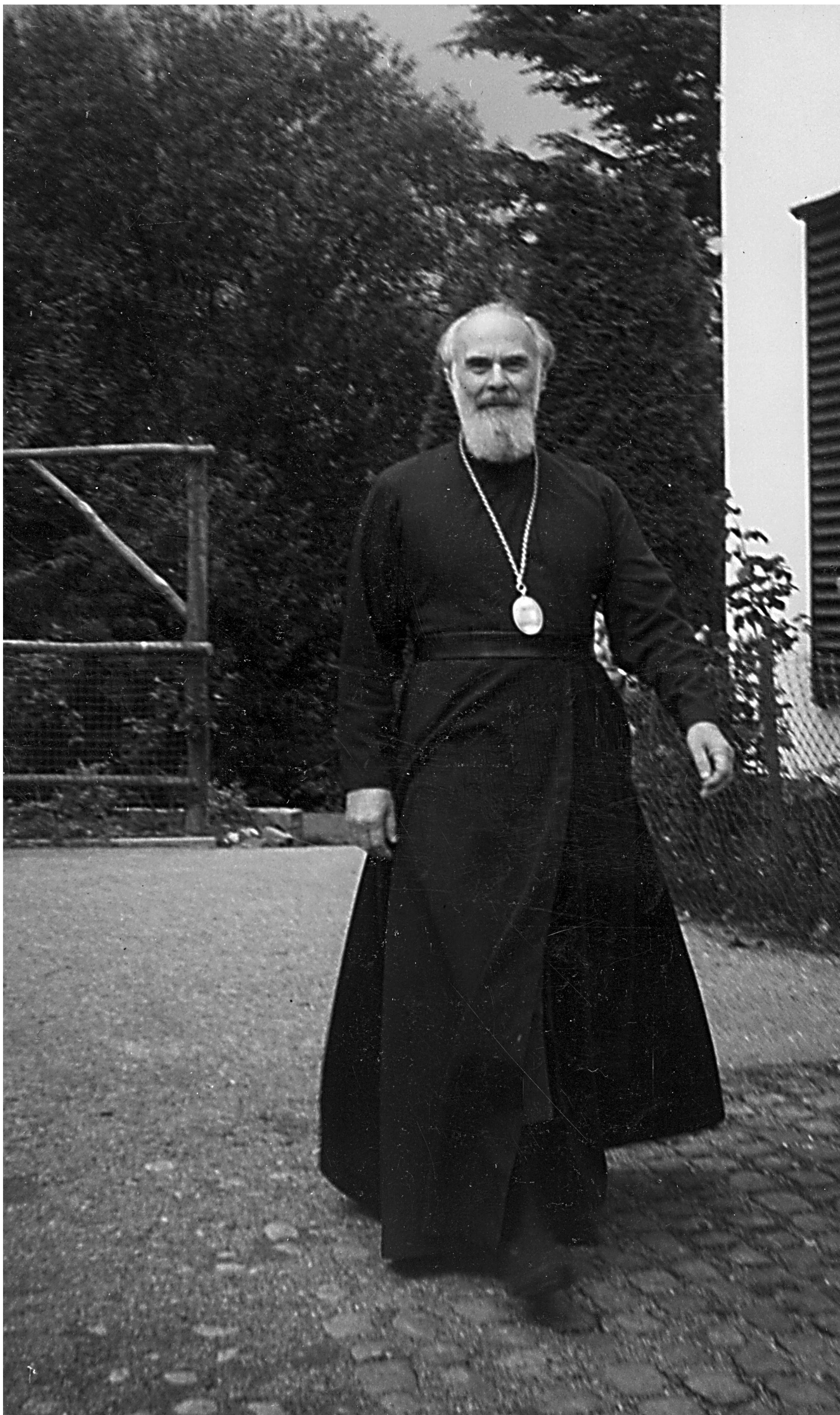
Мы не так относимся к изысканиям нашим в науке. В науке мы вглядываемся в реальность, в различные феномены физики, химии, биологии без предвзятости; в каком-то отношении, для нас важна реальность, а не наше представление о ней. В идеологической области (сюда я включаю и религиозные убеждения, выраженные неудовлетворительным образом) нам кажется, что важно быть правым, что важна не столько объективная реальность, сколько — отстоять наше представление. И это очень трудно осуществить; совсем нелегко научиться слушать с намерением услышать, очень трудно смотреть с намерением увидеть.

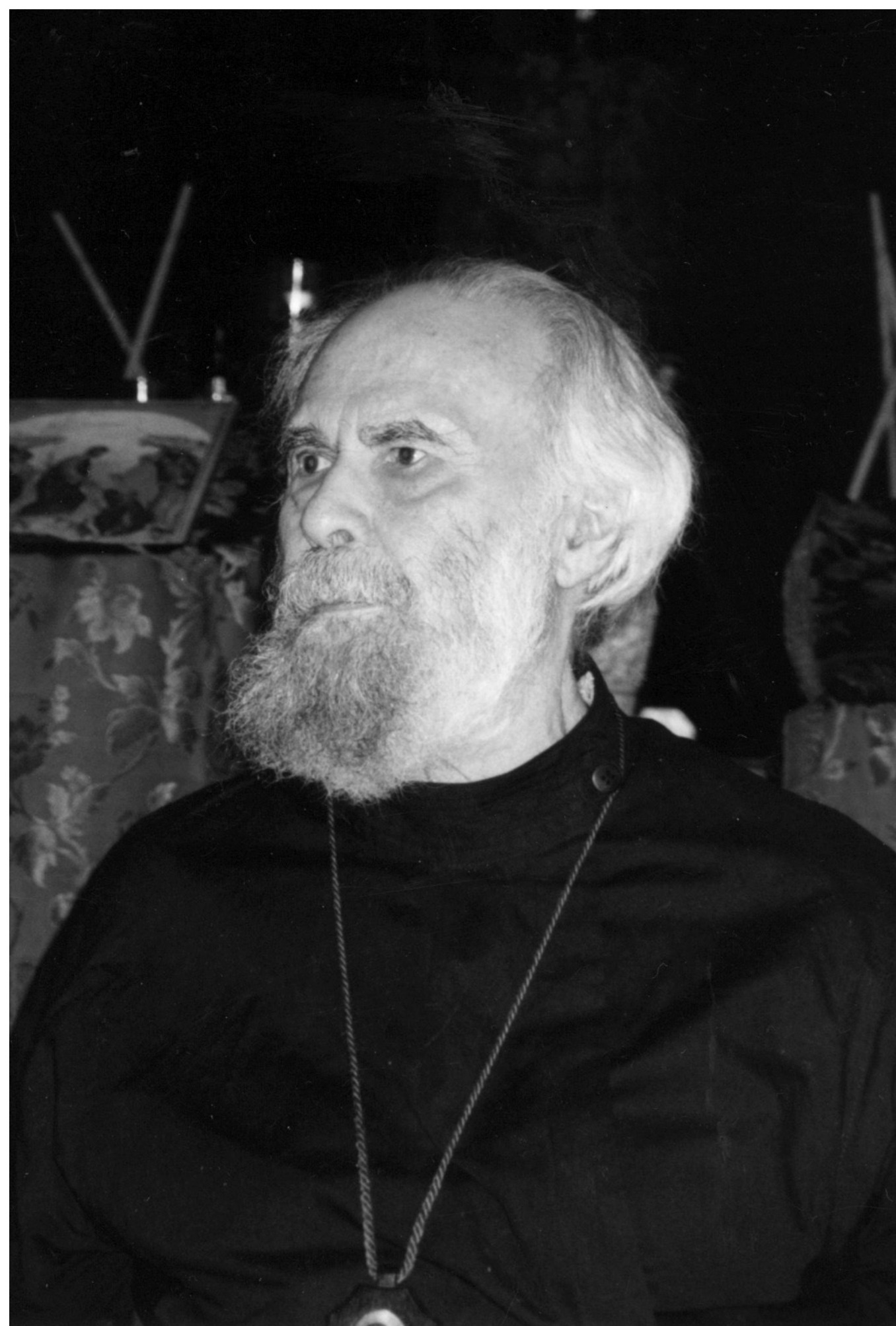
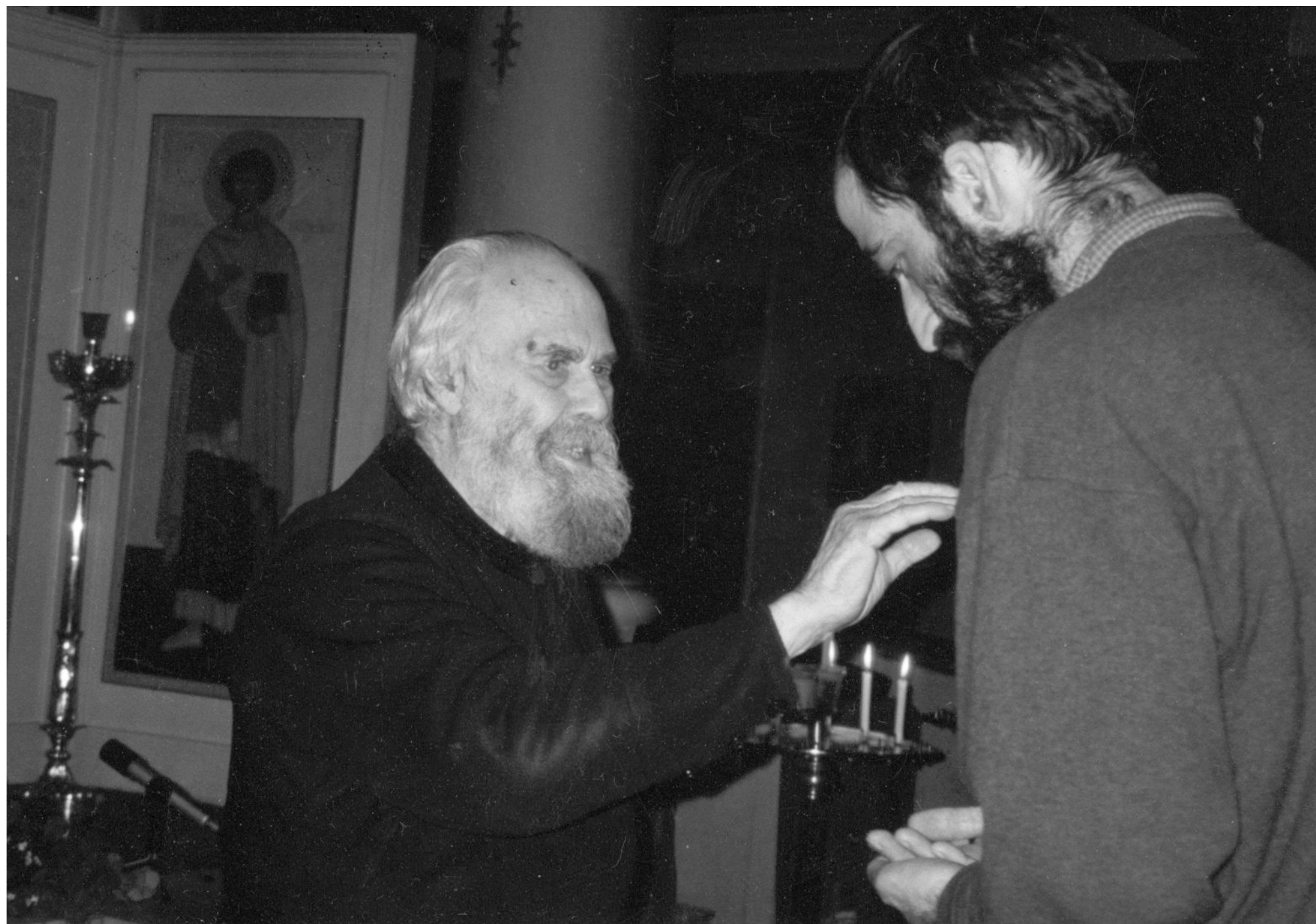
Стать таким человеком, видя которого, люди как бы через прозрачное стекло могли видеть Бога, стать таким, какой бывает иногда поверхность озера — тихого, неволнуемого, в котором в совершенстве отражается небо. Христос о Себе говорил: Видевший Меня, видел Отца (Ин 14:9). Христос и нас зовет к тому, чтобы люди, видя наши добрые дела, прославили Отца нашего, Который на небесах (Мф 5:16). Но для этого мы должны стать прозрачными, нам надо научиться так говорить, так действовать, так жить, чтобы люди видели наши дела и, однако, относили их не к нам, а к Богу, поняли бы, что мы движимы силой, которая превосходит нас, что через нас льется на них свет.

Первое, на что надо решиться, это — на беззащитность, на то, чтобы открыть себя радости и горю, ласке и ударам жизни, и все претворить в углубляющуюся, расширяющуюся чуткость души, никогда не дать сердцу сжаться, а если оно сожмется, сказать: нет! Распустись, откройся. Тебе дано было сейчас пострадать, но это страдание тебя сделало участником Божественной скорби, Божественного страдания о мире: откройся! Этим ты делаешься участником святыни.

У апостолов не было «богословия» в том смысле, в котором мы его изучаем в богословской школе, не было никаких богословских трудов, которые они могли бы читать. Они шли с горячим сердцем, с пламенем в душе. И люди, которые их встречали, наверное, говорили: «Что это за человек! Он не как мы, он какой-то живой, в нем огонь горит. Я холодный, как бы мне согреться от него! Чем он может поделиться со мной?». Вот какими мы должны бы быть.

Надо помочь человеку разобраться, где он стоит на самом деле. Реальный человек может стоять перед Богом, но тот, кто себя кем-то воображает, нереален, его как бы нет, он не может стать перед Богом.

Каждый из нас имеет о Боге опыт неповторимый, но которым вместе с тем может поделиться. И это самое дивное, что есть в Церкви. С одной стороны, у нас есть общий опыт, который мы выносим из Евангелия, из личности и из учения святых, из их писаний, из того, чем из столетия в столетие верующие — грешники или святые — делились между собой. И каждый из нас имеет опыт, который неповторим, непередаваем иначе как явлением Бога в нашей личности. Потому что святые нам раскрывают Бога не только своим учением, но тем, каковыми они являются. Они являются как бы живыми образами, иконами Божиими. Глядя в них, мы видим непостижимого Бога, постольку поскольку Он может сделаться постижимым и видимым.

И преподобный Серафим сказал ему: «Не бойтесь! Вы бы не видели меня таким, если бы сами не сияли славою Божьей».

Это очень важные слова, потому что порой мы встречаем кого-то, кто нас поражает, быть может, не с абсолютной силой откровения преподобного Серафима, но подобно ему, и нас охватывает недоумение: разве такое возможно? И ответ: ты можешь это видеть, потому что сам приобщаешься свету. Это чрезвычайно важно для каждого, потому что у каждого из нас есть особенно любимые святые или просто люди, которых мы глубоко любим и видим их красоту и величие, не замечаемые, быть может, другими. И это означает, что между святым и нами или между сияющим светом, который обитает во встреченном человеке, и нами есть нечто общее. Мы тоже причастники этого света. Если поставить перед собой вопрос, за что мы любим и почитаем святых, если нас попросят объяснить, что замечательного в том или другом святом, как правило, мы можем привести какие-то разумные доводы, но это — не ответ на вопрос. И точно так же, если нас спросят, почему мы глубоко любим такого-то человека, а другого глубоко почитаем, и попросят назвать причину, мы не сможем ее назвать, потому что причина кроется в тайне приобщения. В этом святом или в этом обыкновенном человеке есть нечто, что пробуждает в нас ответное состояние, делает нас причастниками его внутреннего света.

И это дивно, потому что на высшем уровне это проявляется в отношениях святых с Богом, ступенью ниже — нас со святыми. Почему именно этот святой так много для меня значит? Почему я вижу его в такой невероятной красоте, тогда как другие видят в нем одного из многих великих людей Божьих? Потому что мы созвучны, между нами есть сходство. В определенном смысле страшно себе представить: меня глубоко трогает тот или другой святой, Божья Матерь или Христос, потому что между ними и мной есть нечто созвучное. Но если это действительно так, то мы должны думать о себе и относиться к себе с уважением. И когда я говорю «с уважением», я не имею в виду — с гордостью, с иллюзиями собственной значительности или величия. Нет, мы должны, глядя на себя, сказать: «Меня, простое человеческое существо, Бог создал таким, что я способен это улавливать».

Когда Моисей оказался в присутствии Бога, Которого он не мог видеть, но Чье сияние славы его обдавало, он спросил: как имя Тебе? И ответ был : Я — Сущий (Исх 3:14). Я — Тот, Который есть, Я — самое бытие, самая реальность... И может быть, следует тут же отметить, что Спаситель Христос на вопрос о Нем Самом сказал: от начала Сущий (Ин 8:25), Я Тот, Который есть, Который есть не сотворенное, Который есть безотносительно к чему бы то ни было, Который есть самое бытие, самая реальность.

И это бытие, эта реальность превосходит не только всякое умственное или сердечное познание, это превосходит все. Бог всегда остается для нас Тем, Который открывается нам, но Кого до глубин мы познать не можем. Я упоминал о том, как один из отцов Церкви, говоря, как мы познаем Бога, сравнивал это познание с нашим опытом сияющего солнца. То, что представляет собой солнце, мы опытно познать не можем, это горение, в которое вступить невозможно. Но мы приобщаемся к тайне этого горения через свет, который оно проливает, и через тепло и жар, который льется на нас. И в той мере, в какой мы приобщены свету и теплу, мы об этом горении знаем все, что способен знать живой человек. Так и с Богом. Его тайна остается непроницаема, и вместе с этим мы приобщаемся к этой тайне через свет, который нам все открывает, и через тепло, которое нас пронизывает и преображает.